

Мнение: ударить по пилатчине

Любопытная картина получилась. Я имею в виду не саму экранизацию, а водопад мнений и впечатлений, вызванный ею.

Критики, все-таки, сильно идеализируют читателя, считая его на голову выше зрителя, и на десять — телезрителя. Они исходят по обыкновению и априори из того, что коли человек взял в руки роман Достоевского или Булгакова, то он непременно вычитает в нем то, что написал Достоевский или Булгаков.

Но, как правило, он находит там то же самое, что ему смог предложить автор успешной экранизации — свое же собственное представление о первоисточнике.

«Успешная экранизация» — это, как правило, экранизация стереотипов и клише о первоисточнике, сложившихся в ходе его бытования.

Что такое «Идиот» с точки зрения массового читателя? Это — «Окна» Нагиева или «Пусть говорят» Малахова. Те же домашние скандалы, дразги, страсти, но только остранные присутствием высокородного князя, человека не от мира сего, и освященные авторитетом классика. Потому, наверное, и рейтинги почти равные. Просто лейблы несопоставимые. Достоевский это вам не Малахов, а Булгаков — не Лукьяненко.

Что такое «Мастер и Маргарита» во мнении общенародном? Такое «фэнтези», где земной человек, осознав свое бессилие в противоборстве с подлой, пошлой и несправедливой реальностью, с помощью Высших сил берет у нее реванш. Потому у экранного «Мастера» много больше точек соприкосновения и пересечения с «Ночным» или «Дневным» дозорами или с многочисленными «Потерями», нежели с тем, что содержится в булгаковском романе. Это при том, что работа режиссера сочтена бережной и даже целомудренной по отношению к нему.

На деле по окончании просмотра тебя одолевает подозрение, что экранизация снята бывшим сборщиком податей Левиим Матвеем, человеком преданным Иешуа, но понимающим своего Учителя дословно, что последнего, как известно, сильно огорчало.

«...Я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил».

О разрушении храма Иешуа говорил в метафорическом смысле. Он говорил о храме в смысле старой веры. Ему приписали намерение разрушить памятник архитектуры.

Склонность к иносказанию Иешуа объяснил просто: чтобы понятнее было.

Метафора способствует убедительности высказывания, но за нее автору приходится расплачиваться возможностью тех толкований, о которых он и думать не думал, и предположить не смел.

Слишком многое зависит не только от индивидуального опыта читателя или зрителя, от развитости его эстетического вкуса и уровня образования. Есть еще кое-какие призмы, сквозь которые мы рассматриваем то или иное литературное сочинение.

Одна из них — политический и социо-культурный контекст. В 60-е годы, когда роман Булгакова только появился на свет, он был один. Мы еще жили при царе Горохе, то бишь при Советской власти, но уже мысленно расставались с ней, то смеясь, то плача. «Мастер» позволил это сделать одновременно. От того было ощущение универсальности этого литературного сочинения. На глазах рушился храм старой веры, и где-то вдали мерещились чертоги веры иной.

Сейчас мы читаем и смотрим его по-другому. Сегодня он для нас, по идее, должен быть и не Евангелием и не энциклопедией, но всего лишь беллетристкой. Философской беллетристкой. Не больше. Но и не меньше.

Если это так, то смешны претензии теологов к тому, как интерпретировал автор христианскую легенду.

Забавны также комплименты магов и колдунов автору «за достоверное и глубокое изображение внутреннего мира Воланда».

Но ничто, пожалуй, так не впечатляет, как комментарии на полях романа некоторых отечественных политологов. Причем тех, что не согласны меж собой по всем пунктам повестки современной политической жизни. Леонида Радзиховского и Михаила Леонтьева, например. Один на эту тему высказался в «Еженедельном журнале», другой – на «Эхе Москвы», и оба приписали роману антихристианскую сущность и просталинскую направленность. Разница в том, что у Радзиховского глаза только-только открылись. Толчком к прозрению послужила экранизация. А Леонтьев давно знал, что есть по сути «Евангелие от Булгакова». И каждый думающий человек, по его мнению, это способен познать, если будет читать «буквы» и на них опираться, как на вещественное доказательство той, а не иной трактовки.

Чем, собственно, и занялся Радзиховский. «Я всего лишь постарался ПРОЧИТАТЬ роман «Мастер и Маргарита» – прочитать открытыми глазами, буквально то, что в нем написано».

Прочитав, пришел к выводу, что Булгаков обожествил Дьявола (считай: Сталина). Лояльно отнесся к НКВД (полагай: к опричнине и репрессиям). Более того, этически оправдал «большевистский фашизм».

А Леонтьева, к тому же, неприятно поразило, что Булгаков пытался своим сочинением подольститься к Хозяину, понравиться ему. Это с одной стороны. С другой – всеми данными ему Богом талантами надеялся себя оправдать перед самим собой.

Словом, политические журналисты крепко ударили по булгаковской пилатчине. Но, разумеется, не с той стороны, с какой ее атаковал советский литературный критик Латунский.

Тот, «читая по буквам», обнаружил стремление автора поставить общечеловеческие ценности (абстрактный гуманизм) над гуманизмом классовым и тем самым поколебать краеугольные камни, на коих покоился храм марксистской веры.

Эти – увидели апологию большевистского миропорядка, услужение дьяволу, отступничество от Христа, предательство по отношению к либеральным ценностям и т.д., и т.п.

Наверное, Мастер бы такой трактовке удивился не меньше, чем первой.

И у Латунского и у Радзиховского с Леонтьевым – одна метода прочтения художественного сочинения – расчлененка. Ее с подкупающей откровенностью продекларировал Михаил Леонтьев, обратив наше внимание на «три слоя» романа: «...есть вот эта псевдоевангелическая притча, то есть пародия на Евангелие, и которая выполняет основную идеологическую функцию. Есть тема Мастера, личная тема, которую я вообще трогать не буду. Она отдельно, она очень личная действительно. Она связана с той и с другой. И есть вот этот набор газетных фельетонов. На мой взгляд, крайне слабых».

Все, оказывается, очень просто. Почти как при анализе политических взглядов, предположим, Явлинского или Зюганова – вычленим одну составляющую, смотрим ее на просвет; потом – другую, и т.д.

Политические журналисты на минуточку забыли, что в данном случае они имеют дело не с суммой, а с произведением. В последнем случае, грубо говоря, котлеты от мух принципиально не отделяются. Или отделяются, но посредством некоторых умственных и душевных усилий.

Впрочем, Леонид Радзиховский в конце своего текста спохватывается и как бы извиняется: «...Вполне возможно, что все, что здесь (в статье – Ю.Б.) написано, – совершенная чушь, т.е. убедительно опровергается фактами, цитатами из классика, логикой и т.д.».

Конечно, опровергается. Еще как опровергается. Но не «фактами и цитатами из классика», а художественным целым самого романа. Иначе как можно объяснить, что он уже при первом своем явлении произвел столь сильное и до сих пор памятное впечатление на советскую общественность. Тогдашние читатели впоследствии признавались, что «Мастер» их «выпрямил». Что само чтение ощущалось ими как акт внутреннего раскрепощения, как «мгновение истины», как нечаянная радость освобождения от «советского морока».

Какие еще нужны доказательства для Леонтьева и Радзиховского его антитоталитарной стихии? «И доказательств никаких не требуется», - добавил бы вездесущий Воланд.

Но тут является новая претензия. И не одна, а сразу несколько - в статье «Четвертый угол Булгакова» Евгении

Долгиновой, обнаруженной на сайте «arh.ru». Они относятся и к роману и к его автору.

Прежде всего: «...трагедия Мастера — что называется, "пальцем сделана". Ну, не напечатали рукопись неизвестного автора из самотека... Что ж в такую панику впадать?

А не напечатали специально, - уверена Евгения Долгинова. Потому что, если бы напечатали, то в романе возникла бы тема читательского признания или непризнания Мастера. И тогда на сцену явился бы Народ, и в треугольнике «Творец-Цех-Власть» возник бы еще один угол - четвертый.

В этом и претензия номер один: Булгаков в грош не ставит народ, недооценивает его. Более того, не любит его почти как профессор Преображенский. И еще того более: Булгаков страдает «народофобией».

Претензия номер два: сам роман является своего рода внутрицеховой разборкой меж литераторами. И Булгаков «в писательском gadjushnik'e» смотрится не многим лучше драматурга-неудачника Литовского (критика Латунского).

Третье неудовольствие, переходящее в раздражение. Не так уж и плохо жилось Булгакову: «Конвейер комфортабельной поденщины обеспечивал достаточно высокий уровень жизни». Со статусом, правда, были проблемы – в члены Союза писателей его не приняли, квартиру в Лаврухе и дачу в Переделкино не дали, хотя он к этому стремился.

Из этой критики неоспоримо следует, что «Мастер и Маргарита» - это своего рода отмщение за обиды и унижения, причиненные автору литературными маршалами; это своего рода литературная вендетта тщеславного, закомплексованного литератора.

А мы-то ломали голову: из-за чего весь сыр-бор... Просто Михаила Афанасьевича не пустили в писательский ресторан, вот он и наслал на него нечистую силу.

Крепко ударила по булгаковщине Евгения Долгинова.

Восклицание, ставшее последней строкой романа о Пилате: «Свободен! Свободен! Он ждет тебя!», вырвалось у Мастера, само собой. Оно эхом отозвалось тогда в мутных душах несвободных читателей. Но, разумеется, гор не разрушило. Как это случилось в романе.

Смысловые вещи обнаруживаются не в отдельно взятых образах и не в отдельно рассматриваемых «слоях». И тем более не в сведениях об окололитературных дрызгах. Смыслы открываются в сплетениях, в пересечениях, во взаимоотражениях тем и мотивов произведения. И где-то между строк и букв мерцает образ Автора.

Булгаков начал писать роман не о Мастере, а о Воланде. Эпизодический персонаж нечаянно стал осью повествования.

Мастер сочинял свой роман не о Иешуа, а о Пилате. Бродяга-философ нечаянно заслонил могучего римского прокуратора, который в пространстве Вечности повторил земной путь Левия Матвея, а судьба последнего каким-то образом срифмовалась с биографией Ивана Бездомного.

Повествование довольно быстро выходит из берегов конкретной исторической ситуации. И все советские реалии с предполагаемыми прототипами от рапповца Авербаха до кремлевского небожителя товарища Сталина кажутся частностями рядом с катаклизмами цивилизационного масштаба, духовного порядка – чем-то вроде ряби на глубоководной океанской толще.

Советская тирания (как и нацистская) – частный случай тирании тотального рационализма, о который уж сколько веков расшибает себе лоб homo sapiens. Сначала о просвещенческую утопию, потом – о коммунистическую, затем – о националистическую...

Теперь он бодается с глобализмом.

Будучи историком, Мастер не сразу догадался, в какую историю он влип. Он это осознал, став писателем.

В Москве 30-х зла было так много, что на него зла не хватало. И оно явилось с глумливой компанией князя тьмы Воланда. Это зло потустороннее, романтическое, высокородное – не чета вульгарной дьявольщине

«выжиг», проходимцев и прочей дряни из театра Варьете.

Издевками над мелкой бесовщиной дело не могло кончиться. Самая важная миссия Воланда состояла в том, чтобы дать понять товарищам материалистам, что живая жизнь не вполне подконтрольна советскому предопределению. Что возможно нечто умонепостижимое, до конца не вычисляемое.

В евангельской притче Булгакова, похоже, интересовала в основном тема духовного и морального противостояния индивида власти кесаря.

Его Иешуа – не столько мученик, сколько стоик.

Булгаковский Мастер не выдержал испытания стоицизмом, возненавидев свое создание, отрекшись от него, и, может быть, потому не заслужил Света. В отличие от Фауста, он не стал возражать, чтобы для него Воланд остановил на века то мгновение, кое счел прекрасным. И Мастер из московского подвала на вечное поселение направился в «вечный дом» с венецианским окном и вьющимся виноградом до самой крыши.

...Что же касается порочащей, как полагает Михаил Леонтьев, связи Булгакова со Сталиным, засвидетельствованной в известном письме и в телефонном разговоре, то здесь стоило бы следующее заметить.

Во-первых, что правда, то правда: и Булгаков, и Пастернак, и Мандельштам, и Эйзенштейн – вольные золотые рыбки в садке советской культуры – поддавались как искушению, так и принуждению послужить кесарю на посылках. Но оборачивалось это, как правило, скверным анекдотом для самих рыбок.

Во-вторых, сколько-нибудь талантливый художник в своих созданиях всегда истиннее и откровеннее, чем в быту и в самых сокровенных дневниках – такова природа художественного дара.

В-третьих, Булгаков, как и Пастернак, в самом деле интересовались персоной Сталина. Думаю, не как кесарем. Они в нем видели того, кто заглянул в адскую Бездну аморализма и кто стал ее полномочным представителем на шестой части суши. Но это, смею утверждать, был интерес не шкурный, а художнический.

Художник ведь – не то же самое, что человек с его именем, фамилией и биографией. Как герой – не то же самое, что его прототип.

Наконец, последнее.

Вспомним, как далеко разошлись в своих представлениях о самом страшном человеческом пороке Иешуа и Воланд.

Первый отдал предпочтение трусости перед корыстью, властолюбием, завистью. Оттого так долго не прощал Пилата.

Второй отличил интеллектуальное предательство. Берлиоз – интеллектуальный Иуда. Воланд казнил этого образованного литератора «через забвение», не оставив ему шанса замоливать вину даже на том свете.

...Как сегодня не заметить, что История человечества продолжает взвешивать эти пороки.

Чаши весов колеблются.

Автор: Юрий Богомолов © GlobalRus.RU КУЛЬТУРА, РОССИЯ 👁 4654 02.02.2006, 10:59 📌 216
URL: <https://babr24.com/?ADE=27534> Bytes: 13773 / 13773 [Версия для печати](#)

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

[Связаться с редакцией Бабра:](#)

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

Прислать свою новость

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

Подробнее о размещении

Отказ от ответственности

Правила перепечаток

Соглашение о франчайзинге

Что такое Бабр24

Вакансии

Статистика сайта

Архив

Календарь

Зеркала сайта

